

ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ “ЮНОСТИ” И “НОВОГО МИРА” РУБЕЖА 1950-1960-Х ГОДОВ

Одним из важнейших открытий периода “оттепели” по праву считают так называемую “молодежную” или “исповедальную” прозу “Юности”, связанную в сознании современников, в первую очередь, с именами В. Аксенова, Г. Владимова, А. Гладилина, А. Кузнецова. Изображение молодого человека в современности всегда было одной из главных задач литературы социалистического реализма, не случайно роман воспитания главенствовал в прозе этого направления. Сегодняшнему читателю трудно понять, в чем была шокирующая новизна “Хроники времен Виктора Подгурского”, “Продолжения легенды” или “Звездного билета”, ведь они фабульно повторяют расхожую схему предшествовавшего “оттепели” литературного периода: некие молодые люди, столкнувшись с трудностями взрослой жизни, сначала теряются, ошибаются, а потом находят себя в трудовом коллективе и становятся полноценными членами общества. На первый взгляд, принципиальное отличие “исповедальной” прозы состояло в попутном доказательстве утверждения о том, что “быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей”, поэтически лаконично изложенном в стихотворении Евг. Евтушенко “Нигилист”. Если принять во внимание утверждение А. Козлова, что “стиляги были стихийными советскими нон-конформистами”, то можно понять стремление главного редактора “Юности” привлекать к сотрудничеству авторов, доказывающих, что молодежь имеет право на свой язык, свои шуточки и свои странности, но и - в конечном счете - остается верной идеалам своей страны.

Создаваемая молодыми авторами, по возрасту годящимися героям в старшие братья, “молодежная” проза потакала представлению молодежи о самой себе. Главными героями неизменно были потенциально значительные личности (“великие”, а не “фишки” по определению А. Вознесенского): умные, остроумные, склонные к фрондерству и лидерству, они привлекают самых красивых девушек, быстро осваиваются в любом новом месте, завоевывая симпатии своей честностью и готовностью работать как следует. Проходя через все положенные возрастом испытания: окончание учебного заведения, выбор жизненного пути, первая любовь, они сочетают себе агрессивное (ироническое, наступательное) и рефлексивное (лирическое, пассивное)

начала. Их главной особенностью оказывается отклик не на требование извне (истории, партии, государства), а на собственные переживания, они тонко чувствуют все с ними происходящее и в момент принятия серьезных решений приходят к осознанию зыбкости свои школьных идеалов и жизненных установок.

Принципиальным важным для героя “молодежной” прозы оказывается столкновение с изнанкой жизни. Жесткие школьные правила, против которых они протестовали, были основаны на авторитарном убеждении, что все в жизни укладывается в раз навсегда созданные схемы. В соответствии с законами содержания этой прозы герои волею судьбы оказываются вне расчисленных путей. Непоступление в институт, уход из дома, приводят к тому, что герой “выламывается” из привычной Среды, сталкиваясь с иными социальными слоями и новыми отношениями. Несмотря на то, что окружающий мир неизменно добр и распахнут навстречу герою, плохие люди существуют где-то на периферии повествования и злодеяния им удастся успешно противостоять, основной вывод, к которому приходят герои, достаточно банален, хотя и всеобщ: реальная жизнь сложнее того, чему их учили. При всей общей предназначенности пути (герои, хотя и редко говорят о коммунизме, не отказываются принимать участие в его строительстве) проходить его придется самому и в одиночку. Не случайно в сюжете неизменно присутствуют несколько друзей, расходящихся к концу повествования каждый по своей дороге.

Большая часть проблем героя порождена его собственным сознанием, не справляющимся со сложностями житейских перипетий. “Молодежная” проза по сути дела посвящена тому, как молодой человек преодолевает подростковые реакции на внешние раздражители (в частности, эскапизм), начиная обретать взрослую ответственность за себя и свою судьбу. Процесс этого обретения изображается как длящийся, разомкнутый в будущее и после окончания повести. Формально это воплощается в постоянной перебивке планов, смене типов повествования, интонационном разном, открытых финалах.

“Новый мир” под руководством А. Т. Твардовского, всегда с пристрастием относящийся к любому интересному явлению в современном литературном процессе, посвятил молодому герою “Юности” целый ряд литературно-критических статей и рецензий (М. Блинкова “Саша Зеленин и его друзья”, Л. Аннинский “Все глубже, все сложнее”, И. Виноградов “О современном герое”, И. Соловьева “Материал и прием”, Ст. Рассадин “Нужна ли розовая дымка?”, Ф. Светов “о молодом герое”).

В отличие от критиков “Октября” и особенно “Молодой гвардии”, “Новый мир” сразу же оценил правомерность нового героя, его безусловное обаяние и жизненность. Он противостоял длинной веренице “идеальных” героев, героев, “очарованных идеей автора” (Ф. Светов), у которых, по точному замечанию И. Виноградова, было все, кроме души.

Молодой герой “Юности”, безусловно, импонировал новомировцам и тем, что он не признавал готовых истин. Определяя этого героя как героя “поколенческого”, журнал с удовлетворением замечает, что “вместе с ним идут дальше и молодые авторы (Л. Аннинский), в результате история поколения становится историей гражданского возмужания человека, не скованного стереотипами прошлого или освобождающегося от них.

Безусловно, герои “исповедальной” прозы обладают многими навыками, необходимыми для жизни в той стране, в которой им довелось родиться, но идти “по кратчайшему пути, по прямой” они органически неспособны. Более того, важная черта из сознания - чувство собственной неповторимости, наличие индивидуальной памяти, - по мнению Ф. Светова, сказываются не только на проблематике, но и на поэтике “молодежной” прозы. Анализируя “Бабий яр” Ан. Кузнецова, рассказы Ф. Искандера, “Дом с башенкой” Ф. Горенштейна, “Завтраки 43-го года” В. Аксенова, критик показывает, что нравственный фундамент мира этих писателей - “там, в детстве”, отсюда и усложнение повествовательной структуры произведений, в которой случайное переплетается с закономерным, вероятное с невероятным, а “герой становится не только “трехмерным”, он обрывается прошлым, как елка в новогоднюю ночь, как снежный ком под руками...”.

Но “Новый мир”, первый заговоривший о достижениях прозы “четвертого поколения”, первым увидел и наметившуюся опасность тиражирования найденных приемов и найденного героя новой литературной школы. К середине шестидесятых “Новый мир” явно охладел к герою “молодежной” прозы. Во-первых, потому, что, по мнению журнала, он смыслово и эстетически исчерпал себя, во-вторых, потому, что на авансцену литературного процесса вышел новый герой, этически и художественно много ближе журналу и его редактору, нежели “звездные мальчики”. Это “трудные герои” В. Тендрякова, В. Войновича, чудаки Шукшина, герои Солженицына и Белова, Пряслины Абрамова, Федор Кузькин Можая. В них “Новый мир” видел

возобновление насильственно прерванной традиции русской классики с ее интересом к “лишним” людям и “маленькому” человеку.

С. А. Ломакина
Елец

ПОЗИЦИОННАЯ ДИНАМИКА СЮЖЕТНЫХ СИТУАЦИЙ ПОЭТИКИ ПОЗДНЕГО Л. Н. ТОЛСТОГО (“ХОЛСТОМЕР”)

Л. Н. Толстой своим творчеством показал, что характеры и обстоятельства в произведении выступают на равных правах, а в художественно идее они становятся ведущим активным началом. Мы видим, что образы главных героев формируются в сознании писателя на основе определенной жизненной ситуации. Можно сказать, что Толстой сначала “выбирал сюжет” из жизни (или своей, или окружающего общества) и только потом писал биографии задуманных им лиц.

Сюжетная ситуация - это характерная картина или эпизод, основанный на конфликте субъекта и объекта, фигуры (основной объект исследования) и Среды (фон, на котором развивается фигура, объединяющий общество, конкретных лиц и природу), внутреннего, духовного состояния фигуры и обстоятельств внешнего действия.

Сюжетные ситуации позднего Толстого сводились к одной художественной идее - поиску истины, ответов на вечные вопросы, обретения смысла жизни и затем дальнейшего совершенствования на пути к осуществлению открывшегося идеала в жизни - не то, что у всех, а то, что должно быть. Другими словами, герои Толстого через диалектику распада души приходят к ее последующему воскресению. Анализируя жизненный путь фигур, замечаешь их цикличность. Он как бы состоит из пяти этапов (позиций), повторяющихся в определенной последовательности до смерти героя (если он умирает) или обрывающихся (если автор не находит завершения для жизненного пути героя).

Этапы, по которым движется фигура, были в свое время пройдены Толстым. Он испытал себя в этих ситуациях, вышел из них, и теперь на своих персонажах рефлексировал, пытаясь ответить на вопрос, а можно ли поступить иначе, и, убедившись, что нет, выдвигает ряд сентенций.

Повести и рассказы 80-90-х годов обладают новыми возможностями для выражения авторской позиции благодаря тому, что в них появляется особенный событийный ряд.